

Корчеватель триадами

Алексей Апполонов

КАСАВИН И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.

Поясню, почему «корчеватель». Дело в том, что с месяц назад в России произошло знаковое событие. Впервые в истории нашей страны ВАКовский журнал («Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов») принял к публикации статью, написанную компьютерной программой (генератором SCiGen), выданную за труд несуществующего ученого Михаила Сергеевича Жукова. Статья носила гордое имя «Корчеватель: алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности». Однако поклонникам разнообразных теорий искусственного интеллекта не стоит радоваться. В обозримом будущем компьютеры не облегчат труд ученых, совершая открытия вместо них. SCiGen генерирует заведомую (научообразную) чушь, а создан был исключительно для проверки качества работы рецензентов научных журналов. Ну вот и проверили: рецензенты «Журнала научных публикаций аспирантов и докторантов» оценили актуальность работы как высокую, а новизну научного материала, методическую ценность и практическую эффективность как отличную; после этого статья с некоторыми поправками (касающимися, в основном, стиля изложения) была принята к публикации.

SCiGen — изобретение американское, а лексикон, им используемый, относится к области естественно-научного знания. Меня, однако, неоднократно посещала мысль о том, что нечто подобное, но с уклоном в гуманитарные науки, давно уже изобретено и активно используется в нашем Отечестве некоторыми учеными Института Философии РАН для генерирования своих текстов. По идее, данная программа должна состоять 1) из фраз типа «Уже из работ Фрейда нам хорошо известно, что...», «Когда Бродский снова и снова заявляет, что поэт есть средство существования языка, он имеет в виду, что...», «Бахтин, как совершенно очевидно всем, ставил во главу угла следующее...» и т. д.; 2) из терминов «текст», «контекст», «дискурс», «знак», «язык», «коммуникация» и т. п.; 3) имен всех известных философов и названий их книг. Программа должна располагать указанные фразы, термины и имена в некоем вольном, но, все-таки, порядке (так, например, чтобы «Бахтин» соседствовал с «Рабле», «хронотопом», «карнавалом» и «большим и малым временем»), а все остальное может генерироваться случайным образом.

Но! Самое главное — это триады. *In omni re Triadam oportet esse* (В каждой вещи должна быть Триада), говаривал Гуго Сен-Викторский; так что триады — это давняя, освященная веками традиция. Более того, триада — это код, по которому некоторые представители нашего интеллектуального сообщества распо-

знают себе подобных. Нельзя сказать: «текст и контекст», но только «текст, дискурс, контекст». Нельзя сказать «миф и евхаристия», но только «миф, евхаристия, текст» (пусть даже «текст» здесь явно, как говорится, не пришей кобыле хвост). Поэтому изобретение все более новых и неожиданных триад для названий книг и глав — первоочередная задача гипотетического генератора гуманитарных текстов¹.

Так вот, при чтении книги И. Т. Касавина «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» создается впечатление, что она — дело рук (или что там у него есть) этого самого генератора. Вот скажем, подзаголовок: «Введение в социальную эпистемологию языка». Я понимаю, что такое социальная эпистемология — это, скажем так, направление в эпистемологии, изучающее социальные предпосылки возникновения (передачи, накопления и т. д.) знания (что бы под «знанием» ни подразумевалось). Но что такое «социальная эпистемология языка»? Это когда изучают социальные предпосылки функционирования языка? Или когда изучают социальные предпосылки знания постольку, поскольку они обусловлены языком? Надеюсь получить ответ на этот животрепещущий вопрос, я прочел Введение к этому «Введению...». И не нашел там словосочетания «социальная эпистемология языка». Такого словосочетания, по-моему, вообще в тексте книги нет. Но, помилуйте, если некто пишет трактат (тем более — «Введение», т. е. некие предварительные замечания) по некоей новой области науки (а это — явно новая область: попробуйте найти что-нибудь в Интернете про *social epistemology of language* — ничего нет), то, наверное, следует пояснить, чем эта область, собственно занимается, каков ее объект, метод, в чем ее отличие от смежных дисциплин. Нет, однако, ничего подобного. Зато во Введении обнаружилась такая фраза: «В те седые времена, когда Земля была еще теплая, а письменность как таковая выполняла глубоко служебную роль по отношению к устной речи...» (с. 12). А что, разве теперь Земля остыла? Вывод: текст Введения произведен посредством гуманитарного генератора.

Впрочем, с большим трудом, продираясь сквозь дебри случайно сгенерированного текста, я все-таки кое-что понял. Изначальным намерением И. Т. Касавина было рассказать о том, как перейти от философских интерпретаций языка к социологическим его интерпретациям. То есть по большому счету, «социальная эпистемология языка» должна заниматься изучением того социального контекста, в котором функционирует язык. Но она — у И. Т. Касавина — этим не занимается. Вернее, может и занимается, но при том, что она занимается у него вообще всем чем угодно, понять, где начало, а где конец и результаты этого «социально-эпистемологического» дискурса о языке, решительно невозможно.

Судите сами. Разберем большой раздел книги Т. И. Касавина, который называется «Мир науки и жизненный мир человека». Вообще-то вопрос о том, что он делает в трактате, посвященном «социальной эпистемологии языка», имеет право на существование. Но не будем торопиться. Тем более что про социокультурный контекст нам все-таки обещают сказать: «Современная „техногенная“ цивилиза-

ция и культура сформировались при мощном воздействии науки и техники и одновременно образуют специфическое окружение, в котором существуют наука и иные типы знания. Анализ „жизненного мира“ наших дней, поэтому выступает как конкретный пример исследования универсального социокультурного контекста» (с. 295).

Однако далее автор уклоняется от темы языка вообще. При этом почему-то оказывается, что анализ «жизненного мира» непременно должен начинаться с «актуализации вопроса о кризисе современной цивилизации». В следующей строчке «кризис» конкретизируется и становится уже «духовным», причем суть его в том, что «ускорение общественного развития и давление науки на общественное мнение ведет к утрате здравым смыслом своей компетенции». Мило, не правда ли? «Ускорение общественного развития» — в каком смысле и в какую сторону? И как наука давит на общественное мнение? Чего она от него хочет? Чего добивается? Может, грантов РФНФ? Ну и, наконец, почему эти две вещи неотвратимо ведут «к утрате здравым смыслом своей компетенции», от какой-то утраты (почему-то) и случается духовный кризис?

Допустим, впрочем, что все это так. Тогда лекарство от «духовного кризиса» очень простое: 1) замедлить и обратить вспять общественное развитие (чтобы сие ни значило); 2) отменить науку, дабы, зараза, не давила на общественное мнение. Странно, как автор не додумался до такой элементарной вещи. Влез бы в пещеру к пензенским сидельцам — и не страдал от духовного кризиса. За чем книжки-то писать?

Но это, конечно, было бы слишком просто, поэтому продолжаем изучать «жизненный мир» и «духовный кризис». Тем более что, как выясняется, «жизненный мир» противопоставляется миру «науки и техники» как «автономные, а то и враждебные сферы сознания и бытия». Я готов поверить, что противопоставляется; однако в то, что мир техники обладает сознанием, верить отказываюсь. Впрочем, сделаем исключение. Наш гипотетический генератор гуманитарных текстов сознанием, наверно, обладает, но каким-то спутанным, ибо дальше он (или автор — кто разберет) повествует о том, что «кризис современной науки, идущей от Галилея, и тем самым европейской духовности вообще, состоит, по Гуссерлю, в забвении того, что М. Хайдеггер называет повседневным бытием». Да-да, сначала духовный кризис случился из-за того, что наука давила на общественное мнение, отчего пропал здравый смысл, а теперь вот оказывается, что духовный кризис произошел из-за кризиса самой науки, который, в свою очередь, обусловлен «забвением повседневного бытия».

Пощадите, граждане, как от забвения повседневного бытия может произойти кризис науки? Думаете там есть ответ на этот вопрос? Нет, нет и еще раз нет! Зато есть рецепт от кризиса: «В качестве терапии против научного объективизма, который обесценивает чувственный жизненный опыт человека, Гуссерль выдвигает проект трансцендентальной феноменологии». Вы поняли? Теперь идем в обратную сторону: чтобы избавить науку от кризиса, следует расправиться с научной объективностью, дабы не обесценивался чувственный жизненный опыт. Но и тут не все так просто: толку от Гуссерля все равно не будет, поскольку весь его феноменологический «жизненный мир» «выступает как идеальный конструкт, практически не связанный с научными, эмпирическими исследованиями повседневности». То есть вернемся опять к «научной объективности»,

¹ В книге Касавина можно обнаружить совершенно замечательные триады. Например, «акт-правило-контекст», «миграция-креативность-текст», «дискурс-разговор-риторика» и — настоящий шедевр — «смех-тайна-аноним».

дабы научно и эмпирически исследовать повседневность, которая пришла в забвение, отчего случился кризис науки, которая со своей научной объективностью обесценивает чувственный жизненный опыт, отчего бывает забвение повседневности... Вот ведь задача!!!

Но да не устрашимся! Ведь А. Щюц, М. Мерло-Понти и Ю. Хабермас дали новые интерпретации понятия «жизненный мир», «все более погруженные в эмпирические контексты», а потому освободили это понятие от «„эгологических“, субъективистских импликаций». Здесь и наступило счастье, поскольку «жизненный мир» человека «в контексте техногенной цивилизации и постнеклассического типа рациональности получает более глубокое философское понимание на пути выхода за пределы простых дихотомических противопоставлений миру науки и техники».

Теперь, конечно, я спокоен за духовный кризис, ибо его можно победить.

Победить его, как уже всем нам ясно, можно посредством выведения из забвения и исследования «повседневности». Эта самая «повседневность» есть «нечто типичное для жизни определенной группы людей, ее культурная обстановка, бытовая антураж, личностные типажи» (с. 304).

И вот автор начинает «повседневность» исследовать. «Так, один из устойчивых мотивов повседневности — это постоянное обновление. „Завтра с утра начинаю новую жизнь“ — любимое обещание русского человека. От утреннего пробуждения ожидается, тем самым, вхождение в новый, более благоприятный и благополучный мир, мир, открывающий новые возможности и лишенный старых, надоевших проблем» (с. 306). Не знаю, откуда у И. Т. Касавина такой безудержный оптимизм (наверно, его бытие таким вот образом определяет его сознание); впрочем, посмотрим, как описывает свое «постоянное обновление» автор. «Сознание, отдохнувшее за ночь, продуцирует идеи, посылаются тело... сначала включается мозг... затем он посылает импульсы во все участки тела, заставляя их вспомнить привычные действия — зевание, дыхание, потягивание, лицевою мимику, сгибание рук и ног, сжимание пальцев в кулак, фокусировку зрения, функционирование пищева-

рительного тракта». Как познавательно! Сколь тонкие наблюдения! Особенно — про «дыхание», о котором поутру «заставляет вспомнить» «включившийся мозг». Про «включение мозга» — тоже хорошо. Автор, наверное, думает, что если он не «продуцирует идеи» во сне, то и мозг «выключен». Ничего подобного: работает, правда, не совсем так, как во время бодрствования. Впрочем, не стоит удивляться, ибо наш «д. ф. н.» черпает свои знания по физиологии человека из деревенского фольклора: «Пробуждение и засыпание издавна ассоциировались в народном сознании с расставанием и встречей души с телом, с погружением в другой мир и возвращением из другого мира, мира сна, мира странных и неожиданных впечатлений и испытаний, дающих новое знание». Понимаете? Отделилась душа от тела и ушла в мир иной — значит, мозг выключился и человек перестал дышать; потом душа вернулась, мозг включился и заставил тело вспомнить, как дышать. Подлинная философия XXI века!

Константин Батыгин. Из серии «Дон Кихот», 2007.

Ну ладно, пробудившись и вспомнив, как дышать, И. Т. Касавин продолжает свое обыденное обновление. Что он делает далее? Ни за что не догадаетесь. Далее он принимает солнечные ванны. Ибо один из элементов «семи обыденных форм обновления» — это «солнечная ванна, которая связана с обнажением — возвращением к первоначальному состоянию, после которой кожа приобретает темный и ровный цвет, как бы молодеет» (с. 306). Любопытно, для какого количества граждан РФ солнечная ванна является «обыденной формой обновления». Если И. Т. Касавин регулярно посещает солярий (а как еще в Москве «повседневно» принимать солнечные ванны) или каждый день загорает на берегу теплого южного моря, то не следует ему все-таки выдавать это свое «обыденное обновление» за ту «повседневность», которая характерна для большинства окружающих. Младший научный сотрудник того же ИФ РАН, где работает Касавин, думает, скорее всего, о том, на какие шиши ему купить макароны, а наш автор вещает: «Вы, эта, молодой человек, принимайте солнечные ванны, вернитесь к первоначальному состоянию, приобретите темный и ровный цвет — и откроете потом, значуща, новые возможности, а также лишитесь старых, надоевших проблем». А вообще, слышали мы уже про эти омолаживающие ванны: «Царь велел себя раздеть // два раза перекрестился // бух в котел — и там сварился».

Покончив с солнечными ваннами, И. Т. Касавин переходит к «занятию спортом и лицезрению спортивных мероприятий», ибо таковое есть «еще одна форма повседневного телесного обновления, в которой происходит приобщение к архетипу героя-атлета, энергетически-эмоциональная подпитка организма» (с. 307). Да что ж такое!!! Опять глумление!!! Пока, значит, сограждане тащатся в свои офисы (заводы, рынки, торговые точки) или на какую-то другую работу (ибо у них, в основном, именно такая «повседневность»), И. Т. Касавин «лицезреет спортивные мероприятия» и «приобщается к архетипу героя-атлета».

Далее есть еще много чего интересного про «повседневность». Например, про еду как «повторное творение и социализацию природы», про «мытьё, бритьё и косметические процедуры, которые... обнаруживают „тайны“ тела и проверяют его поверхности и отверстия».

В конце концов оказывается, однако, что все это исследование «повседневности» не стоит и ломанного гроша. Ибо жизненный мир современного человека — это не сфера субъективности; напротив, он вынесен за пределы психики. Почему? Все дело в технике. Ведь «общение с техникой явно выходит на первый план по сравнению с общением между людьми или с природой» (с. 312). Ну и какая здесь связь? Почему от «общения» человека с «автобусом, трамваем, метро, личным автомобилем, мобильным телефоном, транзистором, велосипедом, роликами, детской коляской» должна произойти десубъективация, а от общения с каракатицей, булыжником, березой, морковкой, гуляшом с макаронами никакой десубъективации не произойдет (заметьте, кстати, какой у И. Т. Касавина странный ряд зловещих технических десубъективаторов — от автобуса до детской коляски: этот ряд явно сгенерирован случайным образом, поскольку если велосипед еще как-то тянет на «техническое средство», то ролики и детская коляска — никак; в противном случае в «технику» надлежит зачис-

лить лыжи, коньки, колыбель, жернова, веник и все такое прочее)?

Но ролики в деле десубъективации — это так, мелочь. Самое страшное — вот оно: «Вершиной информационной революции нашего времени сегодня объявляется Интернет, который многими рассматривается как едва ли не главное открытие XX в.» (заметим, что гуманитарный генератор здесь явно оплошал: при всем уважении, Интернет не может быть «открытием»; по законам русского языка и общепринятой терминологии он — «изобретение»). И. Т. Касавин, скрепя сердце, соглашается с тем, что Интернет «помогает поддерживать общение с близкими людьми, если эти близкие вообще в наличии». Но в целом Интернет — огромное зло. Обосновывается это с помощью такой вот случайно сгенерированной фразы: «В чем корень, сердцевина всех аргументов в пользу Интернета? Это — не более чем реклама нового типа коммерции». «Корень и сердцевина аргумента» — сильно сказано. А уж если этот корень еще и «реклама нового типа коммерции», то тут уж вообще только руками остается развести.

Коварный замысел создателей Интернета заключается в том, что он «в большей степени порабощает человека, облегчая его пленение покупкой товаров и услуг, чем освобождает его». Ну, «пленение покупкой товаров и услуг» оставим на совести генератора (если, конечно, у генератора она есть) — не может же так выражаться И. Т. Касавин, академик, доктор наук и почитатель Бродского с Ахматовой.

В общем, в этой главе есть еще много интересного про десубъективацию. Чего там нет — так это языка и его «социальной эпистемологии». Так зачем же она вошла в книгу? Ответ очевиден: будучи сгенерированной случайным образом, она подверглась весьма поверхностной переработке и попала в книгу «для веса» — не пропадать же творчеству.

Вообще же, если отвлечься от всех последствий активного применения генератора гуманитарных текстов и взглянуть в корень этой графомании, то станет очевидно: перед нами совершенно беспомощный идеализм. Беспомощный в силу какой-то разжиженности мысли, отсутствия ясного понимания, зачем вообще все это пишется, но — идеализм. Часто происходит так, что человек, по каким-либо причинам неудовлетворенный или напуганный окружающей материальной, так сказать, действительностью, каковая, как известно, дана нам в ощущениях, начинает (как говорит И. Т. Касавин) *продуцировать* реальность из своего собственного сознания. А какие у него там в сознании кентавры, русалки, зеленые человечки и прочие тараканы — одному Богу известно. Обычно это люди тихие, безвредные: кто постарше — пишет мемуары, кто помоложе — играет в ролевые игры. Но если в силу — э-э-э, скажем так, — обстоятельств биографии данные люди попадают в гуманитарную науку, они начинают штамповать статьи и книги одну за другой (благо генератор гуманитарных текстов всегда в наличии). А поскольку единственно, что их интересует, это содержание их собственного сознания, то они пытаются подогнать под него все многообразие эмпирической реальности; отчего, собственно, и происходит идеализм — бессмысленный и беспощадный. Радует только, что их книги, как правило, никто не читает. И то слава Богу. ■

«КОРЕНЬ

И СЕРДЦЕВИНА

АРГУМЕНТА» —

СИЛЬНО СКАЗАНО